

СЛУЧАЙ БЕЛАРУСИ: НАСИЛИЕ, ВЛАСТЬ, БЕССИЛИЕ

Журнал *OSTEUROPA*¹ 2010. Dezember. Heft 12.

Двенадцатый номер журнала *ОстЕвропа* (2010) посвящён «случаю Беларуси», поводом к чему послужили президентские выборы в нашей стране. Аналитические статьи о Беларуси занимают чуть меньше половины номера журнала и охватывают темы *политики*, и в частности политической ситуации вокруг выборов (круглый стол с участием политологов Ё. Форбига, Р. Линднера, Д. Марплаза, А. Мошеса, А. Зам и статья Ш. Шиффер), *культурной сцены* (статья И. Петц) и *культурно-языковой ситуации* (М. Брюггеманн), пиара белорусского режима немецкими СМИ (Г. Пёрцген), экономики (Р. Линднер) и, наконец, культуры памяти в Беларуси (Х. Ганцер, А. Пашкович). В этом разделе журнала также помещено публичное высказывание белорусской писательницы Светланы Алексеевич, сделанное в связи с подавлением властями демонстрации белорусских граждан в день выборов.

Стоит отметить, что не все статьи «беларусского раздела» этого номера *ОстЕвропы* посвящены непосредственно ситуации вокруг выборов. И, как мне показалось, наиболее интересная статья этого раздела – как раз статья о культуре памяти, подготовленная на основе анализа организации экспозиции мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» совместно немецкими и белорусскими авторами. Это является отражением как важнейшей роли исследований культуры памяти для формирования европейской идентичности сегодня, так и значительных пробелов, если не сказать одного большого пробела в исследованиях по данной тематике в Беларуси. В этом смысле, если материалу о культурной памяти есть что рассказать белорусскому читателю – и с точки зрения исследовательского подхода, и с точки зрения выводов, о чём я ещё скажу далее, – то дискуссии и статьи, посвящённые политике, адресованы, скорее, непосвящённому в белорусские проблемы читателю.

¹ Журнал *ОстЕвропа* (*Osteuropa*), как это следует из аннотации, является междисциплинарным ежемесячным журналом аналитики в области политики, экономики, общества, культуры и современной истории Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. Журнал позиционирует себя как «форум диалога между Востоком и Западом и обращается к общеевропейским темам». Основан в 1925 году, однако выпуск был приостановлен в 1939 году и снова возобновлён в 1951-м.

Политическая сцена: прозрачность зла

Круглый стол и статья С. Шиффер представляют пусть и скудное, но всё же многообразие оценок послевыборной ситуации в Беларуси, подавляющее большинство из которых озвучено вскоре после выборов белорусскими аналитиками, или они, по меньшей мере, не расходятся с точками зрения последних. Среди этих оценок можно выделить вывод о том, что кровавое подавление состоявшейся 19 декабря демонстрации показало, что европейская политика диалога с белорусскими властями полностью провалилась. Другими словами, стало понятно, что «диктаторский и криминальный режим Лукашенко невозможно подвинуть к либерализации с помощью контактов и кооперации, экономических поощрений и мягкого давления» и что платой за это разочарование явились тюремные заключения и другие формы наказания белорусских демократов (Форбриг, с. 5). Стало также очевидно, что контроль Лукашенко над страной носит тотальный характер (Мошес).

Эксперты также замечают, что демократически настроенные граждане Беларуси были шокированы поведением властей (Зам) и что демократические трансформации в стране вместе со сближением с ЕС радикальным образом поставлены этим поведением под вопрос (Линднер). При этом политологи констатируют наличие и в белорусском обществе в целом, и в части властного аппарата европейских настроений.

Политологи также дают оценку предвыборной кампании, отмечая фиктивность шагов в направлении либерализации в этой сфере, а также размышляют о том, кто – Лукашенко, отдельная провластная группировка, Россия, оппозиция – мог бы быть заинтересован в столь жёстком разгоне демонстрации и только ли Лукашенко несёт за это ответственность. Доминирующим оказывается мнение о *манипуляции* (Марплз) и *инструментализации* (Линднер) *протеста властью* с целью организации ответа в виде жёсткого разгона как повода для разрыва всяких отношений с Евросоюзом как главным сторонником оппозиции и для сближения с Россией. Ещё одним результатом разгона *Плошчы* явилось ослабление сил части белорусского общества, ориентированной на Европу, реформы и модернизацию.

Что касается оценки поведения оппозиции во время выборов и демонстрации, то большинство экспертов высказываются в её пользу, отмечая, что в нынешних условиях было сделано всё, что только возможно. В качестве же бенефициариев сложившейся после выборов ситуации, по мнению опять же большинства участников обсуждения, следует рассматривать исключительно Россию. И, несмотря на то что Лукашенко – «мастер выживания» (Форбриг), в сложившихся условиях политологи отмечают маловероятным – в силу и внутри-, и внешнеполитических и экономических факторов – восстановление *status quo ante*.

Более отчётливую позицию по белорусскому вопросу должен занять и Евросоюз, ясно показав, что «мы рассматриваем Беларусь в качестве важной части Европы» (Линднер) и что «трансформация белорусского режима важнее демократизации России уже только потому, что её легче достичь» (Марплз) (с. 19). Того же мнения придерживается и автор статьи о политической ситуации в Беларуси Ш. Шиффер, отмечая, что «надежда на демократизацию Беларуси окольным путём, посредством России, о котором можно услышать из уст представителей некоторых кругов немецкой внешнеполитической *community*, оказалась не более чем гротескной подменой действительного желаемым» (с. 31).

В статье об экономической ситуации в Беларуси позицию, которую Евросоюз должен занять в отношении Беларуси, Райнер Линднер обозначает «политикой критического диалога и соответствующей стандартам кооперации», что означает: «углубление сотрудничества должно напрямую зависеть от изменений в Беларуси» (с. 59). При этом Линднер отмечает, что *«Беларусь в историческом и культурном смыслах является важной частью Европы. Страна может извлечь значительные экономические выгоды из своего соседнего положения между Евросоюзом и Россией. Однако необходимая для извлечения этих выгод модернизация состоится только в том случае, если Беларусь станет привлекательной для западного бизнеса. Модернизация в первую очередь предполагает надёжную правовую систему, прозрачное ведение дел и развитие страны в направлении рыночной экономики, а также инновативный и независимый средний класс»* (с. 53).

Приведённые размышления и оценки западных политологов, как я уже отмечала выше, в большинстве своём созвучны анализу тех же процессов белорусскими экспертами, что свидетельствует, в том числе, о развитии в последние годы независимой экспертной оценки в Беларуси. Отличие же представленной в немецком журнале политической и экономической экспертизы заключается в полезной нюансировке оценок, включающей, в том числе, введение новых понятий, как-то: «манипуляция и инструментализация протеста» или «критический диалог». Важно также, что западные эксперты единодушно признают Беларусь в качестве субъекта общего европейского пространства, почему и требуют большей ответственности Евросоюза по отношению к нашей стране.

Новейшая история белорусской независимой культурной сцены

В этой связи показательным является материал журналистки из Берлина Геммы Пёрцген, посвящённой немецким PR-кампаниям в Беларуси. Г. Пёрцген представляет нам мнения тех немецких журналистов, которые были приглашены в Беларусь властями с целью осуществления пиара нашей страны. Главным выводом её размышлений является вывод о неудаче белорусских властей получить от

немецких журналистов то, что они ожидали – максимально позитивный образ нашей страны, поскольку журналисты не отказались от той критической дистанции при подготовке своих материалов, которую занимают и в Германии.

Статья о независимой культурной сцене Беларуси, подготовленная Инго Петц, отличается от политологических статей тем, что имеет мало аналогов в самой Беларуси. Обращая внимание на значительный объём этой статьи, можно сделать вывод о том, что немецкие эксперты в целом не помещают культуру на обочину политической жизни, поскольку обращение к ней позволяет анализировать не только конструирование потенциальных практик сопротивления, но и ценностные и иные мотивации тех, кто может принять участие в протестах.

Сильным местом немецкого материала о культуре является воссоздание современной истории белорусской независимой культурной сцены с опорой на многочисленные интервью как с представителями более старших поколений независимых «культурных героев» – художником Артуром Клиновым и драматургом Николаем Халезиным, музыкантом Лявоном Вольским и писателем Владимиром Орловым, – так и с многочисленными представителями «поколения Y» – поэткой Марьёй Мартысевич и журналистом и писателем Виктором Мартиновичем, художницей Ольгой Кузьмич, главным редактором журнала *34* Ириной Видановой и переводчицей Ириной Герасимович. И именно обращение к «нашей истории» независимой сцены Беларуси позволяет зафиксировать то многообразие и разнообразие, которые зачастую ускользают от белорусских аналитиков культуры.

Отправной точкой анализа Петц являются 1990-е гг. Именно начиная с этого времени, по мнению автора, решающим для белорусской независимой культуры становится сопротивление авторитарному режиму Лукашенко и стремление к автономной жизни, альтернативным эстетическим понятиям и демократической, обращённой к ЕС Беларуси (с. 34). Автор статьи приходит к выводу, что представители независимой культурной сцены волновали и волнуют вопросы белорусской идентичности, которая отсылает к Великому Княжеству Литовскому и Речи Посполитой и нарративам, противопоставляемым советским и ориентированным на Россию традициям и мифам. Такой интерес превращает представителей независимой белорусской культуры в оппонентов белорусского режима, что приводит к политике умалчивания их имен и упоминания отдельных проектов в рамках официальной массовой культуры, а также к репрессиям, которые нашли выражение в закрытии в Минске Белорусского лицея и Европейского гуманитарного университета (ЕГУ). В результате, методы независимых «культурных героев», по словам А. Клинова, становятся партизанскими.

В качестве отдельного плодотворного периода становления независимой белорусской культурной сцены Петц выделяет 2001–2006 гг., в качестве же её главных участников она идентифицирует

представителей так называемой «генерации Y» – тех, кто родился в 1980–90-е гг. Именно эта генерация стала главным действующим лицом *Плошчы 2006* – этого нового феномена в истории независимой Беларуси. По мнению А. Клинова, на площадь люди выходили именно по зову культуры, чтобы затем вернуться в интернет, новую форму партизанского леса.

Год 2007-й знаменовал наступления нового, более благотворного периода для развития независимой белорусской сцены, происходившего под эгидой сближения Беларуси и Евросоюза. В это время возникают новые независимые музыкальные группы, открываются кафе и клубы. В 2009 году в центре Минска начала работать даже частная галерея современного искусства «Ў», которая превратилась в «место встречи хипстеров и критически-креативных участников белорусской культурной сцены». И хотя эти участники не свободны от самоцензуры и не всегда обращаются к политическим проблемам, их эстетические приоритеты отличаются от образцов традиционной или советской культуры.

Девятнадцатое декабря 2010 года становится новым отправным пунктом, окрашенным прежде всего депрессивными тонами. И, тем не менее, автор статьи не верит в возможность полного поражения участников независимой культуры, поскольку *«она всегда была культурой самоутверждения и сопротивления. При авторитарном режиме Лукашенко она превратилась в движущую силу распространения ценностей, ориентированных на свободу»* (с. 51).

Национальная идентичность и культура памяти

Две последние статьи белорусского раздела данного номера *ОстЕвропы* посвящены вопросам национальной идентичности, рассматриваемой М. Брюггеманом из перспективы языковой проблемы в Беларуси и Х. Ганцером и А. Пашкович – из перспективы культуры памяти. Статья, посвящённая анализу языковой проблемы, построена в духе представленной статьи о независимой культурной сцене и касается как исторических, так и современных перипетий вокруг этой проблемы. Интрига статьи разворачивается вокруг столкновения мнений представителей национального (Товарищество белорусского языка, газета *Наша Ніва* и др.) и русофильско-имперского (прежде всего эксперты интернет-портала *«Imperiya.by»*) лагерей, а завершается констатацией факта открытости национально-культурной ориентации Беларуси. Однако в самом конце статьи автор указывает на роль критических по отношению к режиму русскоязычных белорусских интеллектуалов (среди которых в статье называется С. Алексиевич), *«которые до сего времени демонстрировали понимание желания сохранить белорусский язык, однако опасаются “борьбы за культуру”, которую могут развернуть носители белорусского языка после возможной смены власти в Беларуси»* (с. 80).

Завершающая статья белорусского раздела *ОстЕвропы* позволяет взглянуть на проблему идентичности с той стороны, которая может способствовать и более глубокому взгляду на языковую проблему, а именно со стороны культуры памяти. Обращаясь к анализу центральной экспозиции мемориального комплекса «Брестская крепость-герой», авторы статьи выявляют тот исторический нарратив, который формируется благодаря этой экспозиции, а также его явные пробелы, скрывающие определённую историческую политику. Решающим для этого нарратива является коллективный подвиг и патриотизм советского народа во Вторую мировую войну, а в тени остаются: исторический и политический контексты, причём не только советский, но и национал-социалистский; нарратив и история жертв этого подвига – прежде всего попавших в плен советских солдат; подвиг женской части защитников крепости, которые на уровне оформления экспозиции – картин и скульптур – предстают как жертвы (их дальнейшая судьба также остаётся за кадром), противопоставленные героям-мужчинам, хотя экскурсовод постоянно рассказывает о женщинах-защитницах крепости; наконец, существование и уничтожение евреев, на что указывают немецкие листовки, но ни слова не говорится в самой экспозиции, не упоминается экскурсоводами.

Всё это позволяет авторам статьи сделать вывод о том, что геройство и патриотизм, которые после 1964 г. выбраны Хрущевым в качестве формы легитимации власти, до сего дня определяют способ повествования и мемориализации Второй мировой войны в Беларуси, воспроизводя доставшиеся от того времени темы и табу, а также – с небольшими изменениями – языковые и изобразительные клише. Всё это препятствует прояснению важных моментов не только локальной, но и общеевропейской истории, в которой, к примеру, уничтожение евреев уже стало составной частью глобальных воспоминаний, в отличие от судьбы советских пленных. *«В этой связи задачей обществ и востока, и запада Европы является обращение к этой группе жертв, наличие которой и так уже долгое время замалчивалось. Место памяти в Брестской крепости могло бы служить решению этой задачи. Иначе призыв помнить, много раз повторяемый, будет оставаться призывом к забвению»* (с. 96).

Подводя итоги проделанной участниками журнала *ОстЕвропа* работы по анализу ситуации в Беларуси, стоит ещё раз вернуться к его названию: *«Случай Беларуси: насилие, власть, бессилие»*. Хотя отправным пунктом номера и выступают события 19 декабря, взаимосвязь *насилия, власти и бессилия* можно обнаружить и в тех текстах белорусского раздела номера, которые этих событий не касаются. Особенно очевидным это становится в случае анализа ситуации с культурой памяти в Беларуси, бессилие в которой обнаруживают все те, кто – осознанно или нет – способствует табуированию и клишированию истории и воспоминаний, доставшимся нам от советских времен и активно используемым А. Лукашенко.

В этом смысле взгляд со стороны, прежде всего – экспертов других европейских стран, именно на эту область наиболее полезен и востребован в Беларуси. Можно также предположить, что именно от усиления этой исследовательской оптики зависит и дальнейшее формирование экспертной оценки в самой Беларуси, и не только в области культуры, но и в политике и социальной сфере. Поскольку, как показывают авторы статей о культурной сцене и культуре памяти, обращение к полю культуры позволяет более отчётливо увидеть динамику белорусского общества в целом, в котором определённые группы – например, молодёжь – уже заявляют о себе, в то время как другие, в силу доминирующей культуры памяти – например, женщины, – находятся под прессингом табу и клише. Независимая культурная сцена, включающая разные генерации, ориентированная на Европу и объединяющая людей, наиболее чувствительных к разного рода табу и мифам, может в итоге стать тем мостом к модернизации, о котором писал в своём тексте Р. Линднер.

Ольга Шпарага